

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

ТРУД ИОАННА КИННАМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди источников по внутренней и внешней истории Византии XII в. видное место принадлежит историческому труду Иоанна Киннама¹.

Киннам жил в царствование Мануила Комнина, он писал свое произведение в самые ближайшие годы после его смерти, и это придает его труду характер свидетельства современника, располагавшего богатой устной традицией. К тому же он был близок ко двору, занимал должность царского секретаря, имел доступ к государственным архивам и сопровождал Мануила в его походах. Это позволило Киннаму ввести в свою работу пересказ многих важных документов и обогатить ее подробностями, относящимися к личной характеристике исторических деятелей того времени. Все это обуславливает наш интерес к этому любопытному источнику и вызывает необходимость его изучения.

А между тем исторический труд Иоанна Киннама еще ни разу не подвергался специальному исследованию. Имеются лишь краткие характеристики в предисловиях к работам по другим проблемам, причем по поводу общей оценки этого труда в литературе нет единодушия. К. Я. Грот, например, видел в Киннаме перворазрядный источник для истории XII в. и признавал высокую достоверность его данных. Правда, К. Я. Грот отмечает и необъективное отношение Киннама к Мануилу, но, с другой стороны, он полагает, что материал у Киннама разработан и приведен в порядок, изложение систематическое и последовательное; хронология сравнительно верна². Более сдержанно оценивает достоинства работы Киннама Ф. Шаландон. Он считает, что в нашем распоряжении находится не оригинал, а только сокращенный текст этого произведения, и указывает на многочисленные ошибки Киннама. По его мнению, историк недостаточно использовал законодательные памятники, очень плохо знаком с географией и его сведения в этом отношении нуждаются в серьезной проверке³. В последнее время заметно стремление восстановить репутацию Киннама. Г. Острогорский относит его к числу тех писателей XII в., которым более всего обязаны ученые, исследующие историю этого периода⁴. Д. Моравчик высказывает мнение, что, не считая некоторых ошибок переписчика, труд Киннама целиком

¹ Joannis Cinnami Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum, rec. Aug. Meineke. Bonnæ, 1836.

² К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889, стр. XIII—XVI.

³ F. Chalandon. Le Comnène. Jean Comnène et Manuel Comnène. Paris, 1912, p. XIV—XXIII.

⁴ E. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 311.

достоин доверия: историк стремится быть объективным, его хронология достоверна⁵.

Уже эта сводка мнений ориентирует нас в отношении тех целей, которые следует поставить перед собой при разборе свидетельств Иоанна Киннама. Необходимо прежде всего установить, насколько достойны доверия эти свидетельства. Очень важно определить политические взгляды историка. И, наконец, имеет смысл собрать воедино все сведения, которые щедро сообщает Киннам, о внутреннем быте и управлении империи и, в частности, о ее военной организации.

Труд Киннама дошел до нас в рукописях XIII в. с копиями XVI и XVII вв.⁶ Его первое издание, сделанное Корнелием Толли с многочисленными ошибками и плохим латинским переводом, вышло в Трайето в 1652 г. В 1670 г. появилось более совершенное издание Дюканжа с богатым критическим аппаратом. Последняя публикация Киннама — это боннское издание А. Мейнеке 1836 г., которым мы и пользовались.

Прежде чем приступить к детальному разбору свидетельств Иоанна Киннама, следует кратко остановиться на содержании отдельных книг его труда. Книга I, содержащая изложение событий царствования Иоанна Комнина, посвящена войне с турками (гл. 6, 9—10), половцами (гл. 3), венграми и сербами (гл. 4—5), а также событиям в северной Сирии (гл. 7—8). Книга II содержит описание военных действий под Антиохией (гл. 1—3), в Малой Азии (гл. 4—9, 11) и особенно подробно излагает события, связанные с историей Второго крестового похода (гл. 12—20). В III книге преобладают данные об отношениях между Византией и сицилийским королевством (гл. 1—2, 4—5, 12—13) и о войне на Дунае против половцев, венгров и сербов (гл. 3, 6—11, 16—17, 19). IV книга — это рассказ об экспедиции в Южную Италию (гл. 1—16), о политике Мануила в Северной Сирии и Малой Азии (гл. 17—24). В V книге — история войн 60-х годов на Дунае, главным образом против Венгрии (гл. 1—2, 5—8, 10, 12—17). Изложение этих событий заканчивается в гл. 3—7 следующей, VI книги, остальная часть которой посвящена политике Византии в Сирии и Палестине (гл. 9—11) и в Малой Азии (гл. 12). VII книга, оставшаяся неоконченной⁷, дает представление о действиях Византии в отношении Иконийского султаната.

Начнем с известий, рисующих отношения Византии с Венгрией и государствами южных славян.

Первые сведения Киннама о венграх появляются уже в I книге. Киннам говорит о событиях 20-х годов XII в. и совершает ошибку, называя герцога Альмоша и короля Стефана II (1114—1131) сыновьями Ладислава⁸, т. е. считая их братьями. Стефан был не братом Альмоша, а его племянником, сыном Коломана I (1095—1114). Не совсем точно сообщает историк о порядке престолонаследия у венгров, рассказывая, что, как только у государя родится сын, братьям этого государя разрешается жить в стране не иначе как с выколотыми глазами⁹. В данном случае он сообщает лишь о проявлениях династической борьбы, вызванной переходом от принципа родового старшинства при наследовании престола к принципу первородства¹⁰.

⁵ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, vol. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Zweite Aufl. Berlin, 1958, S. 324—327.

⁶ См. G. Ostrogorsky. History..., p. 312.

⁷ Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 325.

⁸ Cinn., p. 9.13.

⁹ Ibid., p. 9.21.

¹⁰ Historija naroda Jugoslavije. I. Zagreb, 1953, str. 675. См. также К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 235.

Киннам подробно сообщает о ходе войны 1127—1129 гг.¹¹ между Венгрией и Византией. Причиной ее он, как и Никита Хониат, считает отказ императора Иоанна выдать бежавших под его защиту Альмоша и его сына¹². Более подробных сведений о начале войны он не сообщает, хотя, по данным Хониата, какую-то роль здесь сыграло и нападение жителей пограничного Браничева¹³ на венгерских купцов¹⁴. Венгры разрушили Белград (Βελέγραδα), обложили Землин (Ζεύγματην) на противоположном берегу Савы, но потерпели поражение под Храмом (Χράμος)¹⁵. Однако вскоре после этого им удалось захватить Браничев и удержать его в своих руках до 1129 г., и очередной поход греков закончился отступлением, очень похожим, по данным Киннама, на бегство („... чтобы войско гуннов не заставило его принять сражение, император пошел по пустынным и гористым местам“¹⁶). Эти сведения Киннама в основном совпадают с данными венгерских хроник¹⁷. Итогом войны нужно считать возврат к status quo. Здесь же Киннам в первый раз упоминает сербов, „далматинское племя“ (ἔθνος Δαλματικόν), которые восстали и разрушили крепость Рас (τὸ Ράσον)¹⁸. Попытка восстания не увенчалась успехом¹⁹, но это известие позволяет нам судить о том, что сербские племена Рашки в 20-х годах XII в. находились под властью Византии.

Следующие свидетельства о венгро-византийских отношениях относятся к 1149 г. Как позднее сообщает Киннам, Мануил задумал в это время подчинить (μεταποιεῖσθαι) Венгрию²⁰. Но в 1149 г. военные действия развернулись не против Венгрии, а против Сербии. Впрочем, нет сомнения, что и Венгрия и Сербия сами готовились к борьбе с империей и между ними даже существовала договоренность по этому вопросу²¹. В изложении Киннама война 1149 г. выглядит следующим образом. Мануил совершил поход против великого жупана Сербии²², захватил Рас, взял множество пленных, занял область Νιχαβάν, штурмом овладел крепостью Γαλιτζη и опустошил всю страну²³. В столицу император вернулся только глубокой зимой²⁴. В литературе было высказано мнение, что борьба с восставшими сербами осталась неокон-

¹¹ Эту датировку предлагают авторы *Historija naroda Jugoslavije*, I, str. 675; К. Я. Грот останавливается на дате 1128—1129 гг. (ук. соч., стр. 28).

¹² С i n n., p. 10.12.

¹³ Βρανιτζόβη на месте древнего Виминация (Viminacium) на восток от впадения р. Моравы в Дунай, на север от г. Пожаревац. Ср. W. Tomaschek. *Zur Kunde d. Nämus-Halbinsel*, — SBAW, Bd. 99, Wien, 1882, S. 88—89.

¹⁴ Nicetas Choniates. *Historia*. Vonnae, 1838, p. 24.

¹⁵ По К. Я. Гроту, Храм — при впадении р. Нера в Дунай, около современного г. Базиаш (ук. соч., стр. 267, примеч. 2).

¹⁶ С i n n., p. 13.3.

¹⁷ К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 28.

¹⁸ С i n n., p. 12.10. Некогда Шафарик („Славянские древности“, II, стр. 431) считал, что τὸ Ράσον — это Ражан на р. Нишаве. Уже В. Г. Васильевский („Из истории Византии в XII веке. Союз двух империй“ — „Труды“, т. IV, 1930, стр. 48, примеч. 2) отверг это предположение и уверенно отождествил Рас с Новым Пазаром на р. Рашке.

¹⁹ *Historija naroda Jugoslavije*, I, str. 267.

²⁰ С i n n., p. 214.22.

²¹ Киннам даже указывает, что эта договоренность была ускорена приготовлениями Византии к войне с Сицилийским королевством. В. Г. Васильевский допускает, что нападение сербов на империю началось по прямому подстрекательству венгерско-сицилийского союза (ук. соч., стр. 47—48). Можно считать, что момент для нападения был выбран достаточно удачно (С i n n., p. 101.21).

²² Ἀρχιζουπάνον (С i n n., p. 101.23). Имени его Киннам не сообщает, но К. Я. Грот считает, что это был Урош Младший, сын Бель-Уроша (ук. соч., стр. 149).

²³ С i n n., p. 102.18—103.6.

²⁴ *Ibid.*, p. 103.20.

ченной²⁵. Нет сомнения, что упомянутый район — это Рашская область, а не Далмация, как говорит Киннам²⁶. Нет сомнения и в том, что военные действия велись одновременно и против Венгрии: русская летопись под 1149 г. сообщает, что король Гейза II (1141—1161) „ратен с царем“²⁷.

Следующая кампания — 1150 г. — представлена у Киннама более обстоятельным рассказом. Тут Киннам впервые упоминает о военных действиях против Венгрии, причем считает, что вступление последней в войну обуславливалось деятельностью бана Белуша — крупного венгерского вельможи и дяди великого жупана Сербии²⁸. Византийская армия вступила в Лугомирскую жупу²⁹, приблизилась к Саве, но затем перешла к Дрину, и здесь венгерские войска были разбиты в первый раз. Другая византийская армия под командованием императора находилась по дороге в Сеченицу (εις Σετζεβιζαν)³⁰, откуда направилась к р. Тара (Τάρα), где и нанесла решительное поражение сербам и союзным венгерским отрядам. Битва у Тары подробно описана у Киннама, причем его, как всегда, занимают в первую очередь ратные подвиги императора³¹. После своего поражения жупан Урош лично явился в лагерь Мануила и обещал в знак зависимости выставить союзное войско из 2 тыс. воинов при походах императора в Европе и из 500 человек в Азии³². Киннам не совсем объективен относительно точного характера византийских потерь в этой войне. По верному наблюдению К. Я. Грота, он лишь глухо упоминает о критических положениях, в которые попадали греческие войска, в то время как Никита Хониат не скрывает того, что война началась для греков неблагоприятно³³.

²⁵ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 49.

²⁶ Правда, в литературе было высказано мнение, что речь идет о Далмации (П. Срећковић. Стане и односи српских архонтија према Угрии и према Византији у половини XII века. — „Гласник“, кн. 54 (1883), стр. 155). Однако К. Я. Грот справедливо отвергает это мнение, ссылаясь на Никиту Хониата, который говорит только о Сербии (Nis. Chop., p. 121; К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 150, примеч. 1). Грот считает, что Γαλιτση — это современный Галичник, а следовательно, речь идет о верховьях р. Вардар между г. Шар и р. Черный Дрин. Это мнение кажется нам убедительным. Однако нельзя согласиться с Гротом, когда он отказывается видеть в Νικηβιά бассейн р. Нишавы, как это предлагал В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 48). К. Я. Грот считает, что бассейн Нишавы не был затронут сербским восстанием, но ничем не аргументирует своего мнения.

²⁷ „Ипатьевская летопись“ под 1149 г. Ценность русских летописей особенно велика для установления точной хронологии событий, о которых говорят византийцы. Кап-Герру, который опирается на одни только сведения византийских историков, так и не удалось решить проблему хронологии (H. von Kar-Herr. Die abendländische Politik Kaisers Manuels. Straßburg, 1881, S. 132—138).

²⁸ К. Я. Грот правильно считает, что причины этой войны определялись интересами более глубокими, чем симпатии политических деятелей (ук. соч., стр. 149—150). Остается, однако, непонятным, почему он видит у Киннама выступление Сербии в защиту Венгрии, а не наоборот (см. Сin n., 104.23: Γειτίζας... δουλεύεις ἐπιστομιαία Δαλματίας ἑπερφεύ), и почему он относит эти события к 1149, а не 1150 г. (Сin n., p. 104.4: διὰ τοῦ Λογγυτροῦ... χάρου).

²⁹ По мнению К. Я. Грота, Лугомирская жупа находилась по р. Лугомира, притоку Моравы, в восточной Шумадии (ук. соч., стр. 162, примеч. 3; ср. Ст. Новаковић. Српске области X и XII вв. пре владе Немањине. Београд, 1879, стр. 123—124).

³⁰ Сin n., p. 105.10. В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 58, примеч. 1) предлагал видеть здесь Ситницу, но К. Я. Грот, ссылаясь на Иречека (K. Ireček. Handelstrassen in Serbien und Bosnien. Prag, 1879, S. 77, 88), полагает, что большие дороги на Боснию, Дубровник и Рас перекрещивались именно в Сеченице, которая к тому же ближе к Таре, чем Ситница (ук. соч., стр. 163, примеч. 3).

³¹ Сin n., p. 106—113.

³² Ibid., p. 113.6.

³³ Nis. Chop., p. 121—122. См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 164.

В тщательной проверке нуждаются и сведения Киннама об отдельных исторических деятелях, особенно о бане Белуше (*Béλοισο*), великом жупане Уроше (*Οὔρεσις*) и жупане Вакхине (*Βακχίνος*). Последнего В. Г. Васильевский совершенно справедливо отказывается отождествлять с Белой-Урошем I, но неосновательно видит в нем Первослава³⁴. Бан Белуш, существование которого засвидетельствовано византийскими, венгерскими и хорватскими источниками³⁵, характеризуется Киннамом в данном месте неточно. Историк сообщает, что Белуш был женат на сестре великого жупана и ослеплен. Ясно, что речь идет не о бане Белуше, а о короле Беле II Слепом (1131—1141), женатом на сестре великого жупана Уроша. Киннама ввело в заблуждение созвучие имен. Наконец, говоря о жупане Вакхине, Киннам вначале называет его „архижупаном“, но затем сам опровергает себя: рассказав о том, как Вакхин попал в плен, он сообщает, что вслед за этим к Мануилу пришли послы от „архижупана“, а затем и сам „архижупан“³⁶. Недоразумение становится очевидным. В Вакхине видели то Первослава³⁷, то предводителя вспомогательного венгерского отряда³⁸, то даже Стефана Неманю³⁹. Наиболее убедительной нам представляется гипотеза К. Я. Грота, предположившего в Вакхине одного из взятых в плен сербских военачальников по имени *Βουλατζίνος*⁴⁰.

Таковы неточности и прямые ошибки Киннама в отношении исторических деятелей этой эпохи. Что же касается топонимики, то, как мы могли убедиться, он проявляет гораздо большую точность. Верны и его немногочисленные этнографические замечания. Правда, он упорно называет венгров то „пэонянами“ (*Παιώνες*), то „гуннами“ (*Οὔννοι*), а сербов именует „далматами“ (*Δαλμάτοι*), но чувствуется, что это не более как литературная традиция. Когда речь заходит о новых народностях, над которыми эта традиция не тяготеет, Киннам называет их своими собственными именами, как это он делает с печенегами (*Πετζινάχοι*)⁴¹ и халисиями (*Χαλισίοι*)⁴².

Вслед за рассказом об успешном для Византии завершении войны 1150 г. Киннам повествует о смене на великожупанском сербском престоле⁴³.

³⁴ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 94—95. По мнению современных югославских историков, имя Первослав носил один из сербских князей, на короткое время (около 1060 г.) сменивший Уроша II на великожупанском престоле (*Historija naroda Jugoslavije*, стр. 267).

³⁵ *Cinn.*, p. 104.13; *Belus comis Palatinus et Vanus, Belos, comite Palatino*. МНН *Diplomataria*, VI, 57—66.

³⁶ *Cinn.*, p. 112.21.

³⁷ Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей — болгарской, сербской и румынской. М., 1871, стр. 429, 539.

³⁸ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 59, примеч. 1.

³⁹ П. Срећковић. Стане и односи српских архонтија према Угрии и према Византији у половини XII века. — „Гласник“, кн. 54 (1883), стр. 180—186.

⁴⁰ *Cinn.*, p. 108.16; см. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 166. В пользу этого предположения говорит то, что Киннам сравнительно кратко упоминает о Вулчине (III, 8), а затем, как бы разъясняя, — о Вакхине (III, 9). Кроме того, будь Вакхин членом великожупанского дома, Киннам едва ли умолчал бы о его дальнейшей судьбе.

⁴¹ *Cinn.*, p. 107.17.

⁴² По сообщению Киннама (p. 107.16), это племена, исповедовавшие иудаизм особого толка, однако в другом месте он говорит, что халисии одной веры с турками (p. 247.17). По мнению В. Г. Васильевского, речь идет о „кализзах“ (*Caliz*), которых хорошо знают венгерские хроники (ук. соч., стр. 58, примеч. 2), так что сведения Киннама оказываются вполне достоверными.

⁴³ Впрочем, он добавляет, что смена произошла через много времени (*χρόνοις πολλοῖς ὕστερον* — *Cinn.*, p. 113.10). По мнению В. Г. Васильевского, эта смена произошла в 1153 г. (ук. соч., стр. 67), по мнению авторов „Истории народов Югославии“ — в 1155 г. (*Historija naroda Jugoslavije*, стр. 268).

Урош II был смещен, а вопрос о престолонаследии передан на усмотрение Мануилу, однако император предпочел вернуть власть Урошу, а не передавать ее брату последнего — Деже (Δέζε)⁴⁴. Легко догадаться о причинах подобного решения: Мануил, очевидно, не хотел создавать в Сербии династических недоразумений, могущих дать Венгрии возможность вмешаться в сербские дела⁴⁵, да и просто был заинтересован в сохранении трона за государем, уже связавшим себя вассальной присягой⁴⁶.

В 1151 г. война между Византией и Венгрией возобновилась, причем инициатором ее была Византия. На этот раз Мануил, по словам Киннама, стремился наказать Венгрию также и за враждебные действия против Владимирка Галицкого, которого в Константинополе считали если не вассалом, то во всяком случае союзником⁴⁷. Война началась опустошением Срема — области между Савой и Дунаем⁴⁸, была сожжена королевская резиденция (Ῥητικὴν... οἰκίαν) и взят Землин⁴⁹. Крупных военных действий не развернулось. После набегов на венгерскую территорию (современный Банат) византийские отряды вернулись за Саву, куда вскоре прибыли и венгерские послы с предложением мира (осенью 1151 г.)⁵⁰. Известную роль в событиях этого года сыграл венгерский принц-эмигрант, сын короля Коломана и Евфимии, дочери Владимира Мономаха, известный в литературе под именем Бориса Коломановича⁵¹. Перебежав на сторону греков, он оказался в руках Мануила удобной фигурой для притязаний на Венгрию. Такую роль он и сыграл в кампании 1151 г., когда на его сторону перешел передовой венгерский отряд, посланный против греков⁵².

Отношения 1152 г. описаны Киннамом довольно кратко, еще короче освещены события, которые В. Г. Васильевский датирует временем от сентября 1152 до сентября 1153 г.⁵³. Это — попытка Гейзы вновь приблизиться к Дунаю, сорванная контрмерами византийского правительства⁵⁴. В 1154 г. византино-венгерские отношения осложняются вмешательством еще одного фактора. Андроник Комнин, будущий император, назначенный дукой Ниша и Браничева, договорился с венграми о сдаче им этих городов в обмен за помощь в достижении престола⁵⁵. Попытка Андро-

⁴⁴ Cinn., p. 113.16.

⁴⁵ К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 194.

⁴⁶ Любопытно, что форма этой зависимости формулировалась в старых терминах; Урош, по словам Киннама, признал себя рабом ромеев (δοῦλος... ἑστέθει).

⁴⁷ Cinn., p. 115.19.

⁴⁸ Ibid., p. 114.7—20.

⁴⁹ Ibid., p. 115—10.

⁵⁰ Ibid., p. 119.16—120.10. — В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 66) отказывается видеть в этом поспешном предложении мира страх короля Гейзы II перед Фридрихом I, который в 1152 г. намеревался объявить войну Венгрии. К. Я. Грот, напротив, усматривает между этими фактами прямую связь (ук. соч., стр. 192).

⁵¹ Подробный разбор биографических данных о Борисе Коломановиче см. у В. Г. Васильевского (ук. соч. Приложение II, стр. 79—91).

⁵² То, что венгров привлек на свою сторону Борис, предположил В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 61), Киннам только сообщает о самом факте перехода (Ibid., p. 114.15).

⁵³ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 66, примеч. 3.

⁵⁴ Cinn., p. 121.11—15.

⁵⁵ Ibid., p. 126.14. — Ниже Киннам сообщает о том, что Андроник заключил договор о помощи также и с „королем германским“ (τὸν Ἀλαμανῶν... ῥῆγα, Ibid., p. 127.1). К. Я. Грот (ук. соч., стр. 197, примеч. 3) подвергает сомнению это известие на том основании, что германский император Фридрих I в это время готовился заключить договор с самим Мануилом.

ника окончилась неудачей, но Гейза осенью того же (1154) года⁵⁶ вторгся в Срем вместе с боснийским баном Боричем (Βορίτζης), а также осадил Браничев⁵⁷. В этой операции участвовали чехи и „саксы“⁵⁸ — очевидно, наемные рыцарские отряды. Император занял Смилу (Σμύλη)⁵⁹, вслед за чем последовало неудачное для греков столкновение с боснийскими войсками⁶⁰. С трудом византийцам удалось удержать за собой пытавшийся отложиться Белград⁶¹. К началу кампании следующего, 1155 г. подошли суда, готовые перевезти греков на левый берег Дуная, и перед лицом этих приготовлений Гейза II был вынужден пойти на заключение мира, вернуть пленных, оружие, всю военную добычу и даже дать взамен павших у греков лошадей и волов других⁶².

При изложении событий 1154—1155 гг. Киннам упоминает имя Стефана, сына Гейзы⁶³. По мнению исследователей, Киннам допускает ошибку: Стефан, брат Гейзы (а не сын его) и будущий претендент на престол (впоследствии — Стефан IV), до 1158 г. находился при дворе Фридриха I и быть на дунайском театре военных действий, естественно, не мог. При византийской армии находился другой претендент на венгерский престол, все тот же Борис Коломанович, которого Киннам и путает со Стефаном⁶⁴. О дальнейшей судьбе Бориса мы не встречаем сведений у Киннама. По другим данным можно установить, что именно в это время он был убит⁶⁵, и византийское правительство стало подыскивать другую фигуру для вмешательства в венгерские дела. На этом кончается последовательное изложение истории балканской политики империи в 1149—1155 гг., включенное Киннамом в III книгу.

К истории отношений Византии с Венгрией и Сербией историк возвращается в V книге, посвящая свой рассказ событиям, последовавшим за смертью Гейзы II, т. е. за 1161 г. По мнению Киннама, главным в византийской политике на данном этапе было стремление овладеть Венгрией⁶⁶. В этом позволительно усомниться. Вполне возможно, что конечной целью правительства Мануила и был захват соседней страны на Дунае, но в данный момент речь шла, по-видимому, о меньшем: константинопольское правительство стремилось лишь поставить Венгрию в положение зависимого государства, а присоединить рассчитывало, только Срем с Землином и Далмацию⁶⁷. Подходящей фигурой для роли вассального правителя Венгрии и оказался брат Гейзы — Стефан, получивший после смерти короля титул „урума“⁶⁸. Тут же Киннам сообщает

⁵⁶ Так датирует этот поход К. Я. Грот на том основании, что Киннам сообщает о дождях (Cinn., p. 131.20) и о последующей за ними зимовке (Cinn., p. 131.16).

⁵⁷ Cinn., p. 131.23.

⁵⁸ διυάμεναι ἐκ τε Τζέχων καὶ Σαξόνων (Cinn., p. 131.1).

⁵⁹ Между р. Моравой и Кучанской планиной (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 71, примеч. 1).

⁶⁰ Cinn., p. 132.2—133.2.

⁶¹ Ibid., p. 133.15.

⁶² Ibid., p. 134.10.

⁶³ Στέφανον τὸν Ἰάτζα παῖδα (Ibid., p. 132.20).

⁶⁴ В. Г. Васильевский, решающий этот вопрос, справедливо замечает, что Киннаму нужно было объяснить присутствие венгров в византийской армии, о чем он знал из источников. Но он забыл о Борисе Коломановиче и некстати вспомнил о Стефане (ук. соч., стр. 71).

⁶⁵ Так решает вопрос В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 71, примеч. 4) и К. Я. Грот (ук. соч., стр. 203, примеч. 2) на основании ясного свидетельства Оттона Фрейзингенского (Otto Fris., II, 31. — MGH SS, t. XX, p. 414).

⁶⁶ Cinn., p. 214.22.

⁶⁷ Никита Хониат прямо свидетельствует об этом: τὴν τοῦ Ζευγμίνου καὶ Θραγγωχωρίου κατέσχεσεν (Nic. Chon., p. 166). См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 263—264.

⁶⁸ τὴν Ούρουμ (Cinn., p. 203.19).

о попытке сербского великого жупана Первослава (Примислава — *Πριμισλάβος*) отложиться. Он был смещен Мануилом и заменен его братом, баном Белушем, а через некоторое время — другим братом, Дежей, бывшим до этого времени правителем области Дендра (*Δένδρα*)⁶⁹. В этом коротком, но очень важном свидетельстве особенно ценны указания на имена Первослава и Дежи и название Дендру⁷⁰, которая, как оказывается, еще не была присоединена к Византии. Эти сведения весьма ценны для суждения о переменах, происходивших в сербском государстве в начале 60-х годов. Если ученые прошлого столетия отождествляли Дежу и Стефана Неманю и относили вокняжение последнего к 1159—1160 гг.⁷¹, то новейшая югославская историография отвергает это отождествление и считает Неманю младшим из братьев Тихомира, сына Завиды, вступившим на престол около 1170⁷².

Несколько дальше Киннам вновь возвращается к событиям в Венгрии, где на короткий срок пришел к власти, а затем был изгнан, Стефан IV⁷³. Киннам сообщает, что Мануил, узнав об этом, немедленно двинулся через Ниш в Белград⁷⁴, и мы можем, следовательно, сделать вывод, что император не оставил мысли о вторжении в Венгрию. Однако вторжения не последовало, и в том же 1163 г. Мануил вступает в переговоры с венгерским двором. О цели этих переговоров — женитьбе брата короля Стефана III, вновь занявшего престол, принца Бельи, на дочери Мануила — Киннам сообщает подробно⁷⁵, об условиях же, которые были при этом выдвинуты, умалчивает. Этим условием была уступка в пользу Византии Срема. По-видимому, именно об этом условии Киннам говорит, хоть и очень глухо, несколько ниже⁷⁶, пока же он только сообщает, что Бела получил удел, завещанный ему еще его отцом⁷⁷.

На некоторое время установился мир, во время которого произошло очередное вмешательство Византии в сербские дела. Поводом послужило то, что Дежа, в свое время ставший великим жупаном с условием, что он передаст под власть Византии область Дендра⁷⁸, заявил собственные притязания на эту область. Он сделал попытку заручиться поддержкой со стороны германского императора и отказался помочь Мануилу в походе против венгров⁷⁹. В довершение Мануилу удалось

⁶⁹ *Cinn.*, p. 204.1—21.

⁷⁰ В. Г. Васильевский считал, что Дендра — это Шумадия (лесная область на запад от р. Морава. — Ук. соч., стр. 67). К. Я. Грот предлагал считать Дендрой бассейн между Топлицей и Южной и Западной Моравами (ук. соч., стр. 194, примеч. 4).

⁷¹ При этом расчеты опирались на свидетельство жития Стефана Немани, написанного его сыном архиепископом Саввой, о том, что Неманя родился в 1114 г. и достиг власти („приял владычество“) 46 лет от роду (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., Приложение III, стр. 93).

⁷² *Historija naroda Jugoslavije*, str. 353—354.

⁷³ *Cinn.*, p. 212.9.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 214.9. Мануил прибыл в Белград в начале лета 1163 г. (см. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 291).

⁷⁵ *Cinn.*, p. 215.2.

⁷⁶ Некоторое время спустя король Стефан III клятвенно подтвердил свои прежние обещания (*ὁτέσμετο δευτέρως ἐπιχατέλαμβάνειν ὄρησις*. — *Cinn.*, p. 224.12). По предположению К. Я. Грота, эти прежние обещания и заключались в уступке Срема (ук. соч., стр. 291).

⁷⁷ О том, что этим уделом была Далмация, Киннам сообщает ниже (*Cinn.*, p. 247.22). К. Я. Грот убежден, что под Далмацией следует понимать и Посавскую Хорватию (ук. соч., стр. 293, примеч. 2).

⁷⁸ *Πρὸς δὲ καὶ ὡς πατρῶσι Δένδρας Ῥωμαῖοις ὑπεκατήσεται* (*Cinn.*, p. 204.20).

⁷⁹ *Ibid.*, p. 213.2.

узнать о сношениях Дежи с королем Венгрии⁸⁰. Дежа был вызван к императору, посажен под стражу в Сербии⁸¹ и через некоторое время отправлен в заключение в Константинополь.

Мир с венграми вскоре был нарушен. Киннам возлагает вину за это на короля Стефана III⁸², утверждая, что претендент на престол, Стефан IV, только нанес ответный удар во главе византийских войск, но надо полагать, что наш историк или неточен, или небеспристрастен. Подлинной причиной возобновления войны было то, что греки намеренно оставили в Среме свои войска, находившиеся в постоянной боевой готовности под командованием Стефана IV, которого Мануил не лишил своей поддержки. Не совсем точен Киннам и в своих сообщениях относительно места переправы Стефана IV через Дунай: он указывает на Анхиал (δι' Ἀγχιάλου)⁸³, что является опиской или плодом недоразумения⁸⁴. Наконец, можно корректировать сведения Киннама еще в одном отношении. Историк сообщает, что Стефан IV опрометчиво начал вторжение в Венгрию и войско его вскоре стало уменьшаться⁸⁵. На самом деле претендент достиг значительных успехов, создал партию своих сторонников и добрался до Эстергома — столицы страны⁸⁶. Сообщить о слабости претендента Киннаму потребовалось, надо полагать, для того, чтобы оправдать появление византийских войск во главе с самим императором на территории Венгрии⁸⁷. Для отпора грекам король собрал большое войско, дополненное отрядами немцев и кочевых придунайских племен⁸⁸. Тем временем Мануил перешел Дунай и двинулся к г. Пагацию (Παγάτζιον)⁸⁹. Киннам сообщает любопытные данные о радушной встрече, оказанной императору местным населением, которое вышло ему навстречу во главе со своим духовенством⁹⁰. По мнению исследователей, этот факт является убедительным доказатель-

⁸⁰ В разговоре с послами венгерского короля Дежа будто бы назвал последнего своим господином (κύριον αὐτὸν... ὀνόμασαζ... — Сin n., p. 213.20).

⁸¹ Киннам добавляет, что место пребывания Дежи под стражей с этого времени стало называться „валом Дежи“ (Δέσε γάραχα. — Сin n., p. 214.2). В. Г. Васильевский видел в нем „Дежево поле“ около Нового Пазара (ук. соч., стр. 96). К. Я. Грот вслед за П. Сречковичем (П. Срећковић. Историја српског народа. Београд, 1884, кн. I, стр. 225) ищет это место по р. Мораве, около с. Тешица (ук. соч., стр. 288, примеч. 1).

⁸² νέος Παϊώνων ῥήξ, ... ἐπεβάτευε κλήρου καὶ παρεσπόνδει τοῦ Βέλα (Сin n., V, 6—p. 126.18).

⁸³ Сin n., p. 216.20.

⁸⁴ К. Я. Грот вслед за венгерским историком Фесслером (Fessler. Geschichte der Ungern. Leipzig, 1815, S. 104) предлагает читать вместо Ἀγχιάλος — Akimink, т. е. Acimincum, современный г. Петроварадин (ук. соч., стр. 296—297).

⁸⁵ Сin n., p. 216.21—217.7.

⁸⁶ Об этом свидетельствует грамота, изданная Стефаном IV в Эстергоме в 1163 г., на которую ссылается К. Я. Грот (ук. соч., стр. 297). Грот упоминает издание И. Кукулевича-Сакцинского. В издании Т. Смичикласа (Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Ed. T. Smičiklas, II. Zagreb, 1904) этот документ помещен под № 94. Это — подтверждение судебного решения, которым бан Белуш присудил лес Дубрава загребскому епископу Бернарду (см. Т. Smičiklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. II. Zagreb, 1904, p. 97—98).

⁸⁷ Император расположился лагерем у χώρα Πετρίχον (Сin n., p. 217.17).

⁸⁸ τὸν πρὸς τῷ Ταύρῳ ἰδρυμένων Σκυθῶν (Сin n., p. 218.8). Киннам, как видим, употребляет совсем другое выражение, чем при характеристике русских (ср. χώρας Ταυροσχυθικής). Это заставляет нас видеть в упомянутых им „скифах“ кочевые (возможно, половецкие) племена.

⁸⁹ Сin n., p. 222.5. По мнению К. Я. Грота, это Бач (Васз. Ук. соч., стр. 308).

⁹⁰ Сin n., p. 221.2—9.

ством существования православия между Савой и Дунаем и даже в Южной Венгрии⁹¹.

Вслед за этим Киннам помещает рассказ об отправке Мануилом послов к чешскому королю Владиславу, пришедшему на помощь Стефану III, — рассказ, достоверность которого уже подвергалась сомнению в исторической литературе.⁹² Более правдоподобно известие о том, что, заключив мир с Венгрией (при деятельном посредничестве Владислава), Мануил, наконец, лишил своей поддержки Стефана IV и рекомендовал последнему отказаться от своих прав на венгерский престол⁹³, хотя Киннам сопровождает это сообщение подробностями сомнительного свойства⁹⁴. По всей видимости, Мануил утратил надежду на восстановление своего ставленника в Венгрии, хотя в 1164 г. в связи с обострением византино-венгерских отношений император, по словам Киннама, вернулся к этой мысли⁹⁵.

События 1165 г.: возобновление военных действий со стороны Венгрии, создание Мануилом широкой коалиции для борьбы с ней, посылка на Дунай византийского флота, осада и взятие Землина венграми, смерть Стефана IV — все это изложено Киннамом достаточно ярко и подробно. Но самым обстоятельным разделом в его повествовании о кампании 1165 г. является рассказ о взятии Землина греками⁹⁶. Детальность и достоверность этого рассказа дали исследователям основание полагать, что Киннам был свидетелем этих событий⁹⁷. Они нашли достаточное отражение в литературе⁹⁸, и мы не считаем необходимым останавливаться на них. Затем Киннам говорит о том, что последствием византийских успехов был переход под власть императора всей Далмации, которая была покорена „в короткий срок“ (ἐν βραχεῖ)⁹⁹. Киннам упоминает о 57 покоренных городах и приводит названия некоторых из них: Шибеник (Σεβένικος), Сплит (Σπάλαθος), Дукля (Διοκλεία)¹⁰⁰, Шкодер (Κάρδων), Островица (Ὀστρουμπίτζα), Салона (Σάλων) и Трогир (Τραγούριον)¹⁰¹. Вместе

⁹¹ К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 307. Вероятно, это имеет в виду Г. Острогорский, когда пишет, что венгерское духовенство поддержало Мануила (G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 344), однако он не уточняет, идет ли речь обо всей Венгрии или только о ее южной части.

⁹² К. Я. Грот справедливо отмечает, что совершенно невозможно поверить, чтобы гонец Мануила произнес перед чешским королем такую высокомерную речь, называя королем императора. Грот склоняется к мнению Викентия Пражского, рисующего эти переговоры в менее благоприятном для византийцев свете (ук. соч., стр. 313 сл.).

⁹³ Cinn., p. 224.18.

⁹⁴ Так, трудно поверить в существование племянника Стефана IV, которого тот, по сообщению Киннама (Cinn., p. 224.23), посылает вместо себя в Венгрию: ни один венгерский источник не подтверждает реальность этого лица.

⁹⁵ К. Я. Грот (ук. соч., стр. 326) сомневается в достоверности этого сообщения.

⁹⁶ Cinn., p. 240—248.

⁹⁷ Gy. Moravcsik. Op. cit., p. 325.

⁹⁸ К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 341—345; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М., 1948, стр. 270.

⁹⁹ Cinn., p. 249.3.

¹⁰⁰ Впрочем, в некоторых изданиях Киннама [изд. Корнелия Толли, 1652 г., p. 272; см. также F. Babos. Adalékok Kinnamos szövegtörténetéhez (Symbolae ad historiam textum Cinnami). Budapest, 1944, p. 12] мы находим не Διοκλεία, а Κλείς, и на этом основании было выдвинуто мнение, что речь идет не о Дукле, а о Клише.

¹⁰¹ Впрочем, новейшая югославская историография считает, что Трогир не попал в число взятых византийцами городов и областей, так же как не попали в их число большая часть Славонии, Северная Далмация и о-ва Брач, Хвар и Вис (Historija naroda Jugoslavije, str. 677). Характерно, что Задар не упоминается в этом списке захваченных византийцами городов. Может быть, это дает основание предположить, что он еще раньше перешел под власть Византии, с которой его связывала прочная политическая и культурная традиция? (См. V. Novak. Neiscorišćavana kategorija

со сведениями о переходе Далмации под власть Византии Киннам сообщает и о мирных предложениях венгров, которые были отвергнуты Мануилом¹⁰².

Византия добилась решающих побед в войне с Венгрией, но военные действия на этом не закончились. К 1166 г. относится экспедиция венгерского полководца Дионисия, перед которым была поставлена задача вновь занять Срем¹⁰³. Склоки между византийскими военачальниками привели к поражению греков¹⁰⁴. Киннам стремится умалить их потери: по его словам, венгры нарочно насыпали как можно больше земли над телами немногих павших греков, чтобы усилить впечатление своей победы¹⁰⁵. Желая нанести ответный удар, Мануил привлек в свое войско массу владов, „считавших себя выходцами из Италии“¹⁰⁶. Удар был подготовлен сразу с двух сторон: со стороны Срема и от устья Дуная, но нанесен только со второго направления. Бездействие греков на сремском фронте Киннам объясняет изменнической пассивностью командующего — Алексея Аксуха¹⁰⁷. Мануил не удовольствовался одним успешным походом, он направил в Венгрию второе войско (под начальством Лампарды и Петралифы), которое получило задание проникнуть туда через Русь („Тавроскифию“)¹⁰⁸. Этот успешно завершившийся поход был окончен только поздней осенью 1166 г.¹⁰⁹

В это время в византино-венгерские отношения вмешиваются новые силы: Киннам сообщает о прибытии в Софию к Мануилу герцога австрийского Генриха (Эрика — Ἐρρίκος) Явимиргота с предложением услуг от Фридриха I по заключению перемирия между обеими воюющими странами¹¹⁰. Посредничество было принято, однако перемирие оказалось недолговременным. Оно было снова нарушено Венгрией, стремившейся возвратить отторгнутую у нее Далмацию¹¹¹. Есть основания полагать, что и в самой Далмации были сильны элементы, недовольные византийским господством¹¹², хотя Киннам избегает прямо говорить об этом. Во всяком случае в конце 1166 г. Далмация снова оказалась в руках Венгрии. Это создало неизбежность новой и последней (в описании Киннама) войны Византии с Венгрией, о которой историк сообщает

dalmatinskih historijskih izvora od VIII. do XII. stoleća. Radovi Instituta Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti u Zadru. Sv. III. Zagreb, 1957, str. 70).

¹⁰² Cinn., p. 247.20—243.18. Об этом посольстве ничего не знает Никита Хониат, но это не дает нам оснований отвергать данные Киннама (как это делает G. A. Fessler. Die Geschichte der Ungern. . . Leipzig, 1815, S. 113). Никита Хониат ничего не знает и об экспедиции в Далмацию.

¹⁰³ Cinn., p. 257. 20.

¹⁰⁴ Ibid., p. 258.3—259.12. Киннам сообщает, что эти раздоры были связаны с тем, что один из полководцев (Михаил Гавра) был дукой области, а другой (Михаил Врана) — командующим, и таким образом весь эпизод хорошо иллюстрирует особенности византийской системы управления.

¹⁰⁵ Ibid., p. 259.23. К. Я. Грот считает, что потери греков должны были быть весьма значительны (ук. соч., стр. 356, примеч. 3).

¹⁰⁶ Cinn., p. 260.9.

¹⁰⁷ Ibid., p. 268.20. К. Я. Грот считает, что если Аксух и уклонялся от сражений, то лишь под влиянием бывшего вместе с ним венгерского принца Белы, шадившего своих соплеменников (ук. соч., стр. 359).

¹⁰⁸ εἰς τὰς προσοικουμένας τὴν Ταυροσχυρικὴν ἐμβαλεῖν Οὐννοῖς (Cinn., p. 260.21). К. Я. Грот считает, что поход должен был совершиться в нынешние Молдавию, Буковину и Северную Трансильванию (ук. соч., стр. 360).

¹⁰⁹ См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 360.

¹¹⁰ Cinn., p. 261.15.—262.16.

¹¹¹ Οὐννοι οὐ πολλῶ ὕστερον Δαλματίαν αὐτὸς ἀφελέσθαι διενόηθησαν (Ibid., p. 262.20).

¹¹² См. рассказ Киннама о том, как быстро растаял отряд Никифора Хауфы, состоявший, видимо, из местного населения (Ibid., p. 263.3—9).

самые подробные сведения. Император, отказавшись вести переговоры с прибывшими к нему послами Стефана III, направил против венгров войско под командованием Андроника Контостефана. Битва венгров с этим войском, щедро укомплектованным союзными контингентами¹¹³, произошла, по словам Киннама, между Савой и Дунаем¹¹⁴. Она закончилась решительной победой греков, которая завершила длинную цепь военных столкновений и на 13 лет (до смерти Мануила) закрепила за Византией как Срем, так и Далмацию.

К лету 1168 г.¹¹⁵ относится попытка сербов восстать, о чем Киннам сообщает очень кратко, да и не в том месте, где следовало бы¹¹⁶. У Вильгельма Тирского и Никиты Хониата имеются по этому поводу гораздо более подробные сведения¹¹⁷.

Последние сообщения Киннама о византино-венгерских отношениях касаются 1172—1173 гг. В 1173 г. ставленник и родственник Мануила, принц Бела, занял, наконец, венгерский престол, предварительно связав себя обещаниями в отношении империи¹¹⁸. Это был, действительно, крупный политический успех Византии. И в том же году Мануил совершил поход против великого жупана Сербии, которым был уже Стефан Неманя, взяв последнего в плен и отвел в качестве пленника в Константинополь¹¹⁹.

Такова краткая сводка сведений, которые представляет Киннам в распоряжение историков относительно политики Византии на Балканах.

Обратимся к тем данным, которые сообщает историк о русских княжествах XII в. Русские земли Киннам именуется, как того требовали каноны литературного языка, Тавроскифией¹²⁰, и упоминания о них можно найти в пяти местах его работы. Первый раз он сообщает, что „тавроскифские границы“¹²¹ достигают устья Дуная. Во втором, более подробном сообщении Киннам рассказывает, что поход 1151 г. против Гейзы Мануил предпринял главным образом в отместку за нападение на галиц-

¹¹³ См. об этом ниже, стр. 50.

¹¹⁴ Ἀνδρόνικος οὐν ἐπὶ Σάων διαβάς ἐπειρῆ ἄρχιστα τοῦ Ὀβρυῶν ἐγένετο στρατοπέδων (Cin n., p. 270.9). Впрочем, К. Я. Грот, ссылаясь на сведения Никиты Хониата (Nic. Chon., p. 204), считает, что бой произошел по ту сторону Дуная, т. е. на венгерской стороне (ук. соч., стр. 373—374). В данном случае можно положиться на достоверность рассказа Никиты, тем более что он сообщает и точную дату сражения — день св. Прокопия (8 июля 1167 г. — Nic. Chon., p. 199).

¹¹⁵ Дату мы уточняем на основании сообщения Вильгельма Тирского (см. Recueil des histoires des Croisades, vol. I, part II. Paris, 1844, p. 946).

¹¹⁶ Cin n., p. 249.20. В 1165 г. сербы не предпринимали никаких попыток к отложению, они даже участвовали в походе Мануила против венгров (Cin n., p. 236.16).

¹¹⁷ У Никиты Хониата мы находим целый рассказ о клятвенных заверениях великого жупана жить в мире с империей и о нарушении этих заверений (Nic. Chon., p. 178). Вильгельм Тирский добавляет к этому, что Мануил в том же году в отместку за нарушение мира захватил великого жупана (Wilhelmus Tyrensis, XX, 4). В повествовании Никиты есть одна важная подробность: он называет великого жупана Дежей, и это свидетельство позволяет согласиться с точкой зрения югославских историков, доводящих правление Дежи до 1168 г. (Historija naroda Jugoslavije, str. 268).

¹¹⁸ Cin n., p. 287.9.

¹¹⁹ Ibid., p. 288.3. Этого имени Киннам, впрочем, не сообщает. Мы находим имя Немани в речи Евстафия Солунского, посвященной победам Мануила в Сербии (Eustathii Opuscula, ed. Tafel. Francofurti ad Moenum, 1842, p. 419—420; см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 100—101).

¹²⁰ Γαλιτζής χώρας Ταυροσκυθικής (Cin n., p. 115.16).

¹²¹ τῶν Ταυροσκυθικῆς ὀρίων (Ibid., p. 94.12). К. Я. Грот считает это важным доказательством того, как далеко на юг простиралась Галицкая земля.

кого князя Владимирка, кончившееся поражением галичан¹²². Именно здесь в первый раз Киннам упоминает о союзных отношениях между константинопольским двором и галицким князем. О родственных связях между ними, которые сыграли свою роль в дальнейшем развитии событий, Киннам ничего не сообщает. Следующее упоминание о русских землях относится к 1165 г., когда Киннам отмечает присутствие союзных русских отрядов в войске венгерского короля¹²³. И около того же 1165 г. мы читаем у Киннама о возвращении Андроника Комнина из Галицкой Руси¹²⁴. Пребывание же Андроника на Руси составляет содержание последнего, самого пространного из свидетельств Киннама о русских землях, на котором мы считаем необходимым остановиться подробнее.

В конце 10-й главы V книги Киннам рассказывает, что Андроник, просидевший под стражей около девяти лет¹²⁵, бежал к галицкому князю Ярославу, где был принят чрезвычайно дружелюбно¹²⁶. Весьма возможно, что дружественный прием Андронику был одним из проявлений отхода Ярослава Осмомысла от политики дружбы с Византией, которой придерживался его отец. Но очень вероятно, что Ярославом двигали в этот момент и родственные чувства¹²⁷. Вскоре после прибытия Андроника на Русь император отправил туда посольство, во главе которого был поставлен некий Мануил, по словам Киннама, „производивший свой род от Комнинов“¹²⁸, личность, по поводу которой в литературе возникла обширная полемика¹²⁹. Нам кажется, что лицо, названное у Киннама Мануилом из рода Комнинов, вряд ли можно считать сыном Андроника Комнина, ибо в таком случае оно не смогло бы выполнить свою основную задачу — нейтрализовать влияние Андроника¹³⁰.

¹²² Cinn., p. 115.14—19. Историю этой битвы, которая произошла на р. Сан поздней осенью 1151 г., излагает К. Я. Грот по данным „Ипатьевской летописи“ (ук. соч., стр. 172—177).

¹²³ Cinn., p. 242.17.

¹²⁴ Ibid., p. 250.1.

¹²⁵ Киннам, впрочем, выражается недостаточно определенно: ἔνθα ἐνναετῆς οἴμαι κατεῖρχτο (Cinn., p. 232.11). Если считать, что Андроник был посажен в тюрьму в 1154 г., то его прибытие на Русь можно датировать 1163—1164 гг. Это вполне сходится с показанием „Ипатьевской летописи“ (1164 г.).

¹²⁶ φιλοφροσύνης ἤξιωσεν (Cinn., p. 232.11).

¹²⁷ Проблема родственных связей между византийским и галицким дворами была в наиболее законченной форме поставлена в работе С. П. Шестакова „Византийский посол на Русь Мануил Комнин“ (Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 366—381). С. А. Шестаков считает, что Андроник был сыном севастократора Исаака и русской княжны, дочери галицкого князя Володаря, а следовательно, родственником Ярослава. Мысль эта сама по себе заслуживает внимания, но аргументация С. П. Шестакова вызывает возражения. Так, он доказывает славянское происхождение Андроника тем, что последний в тюрьме сумел найти общий язык с представленным к нему рабом-славянином (стр. 381).

¹²⁸ ὁ ἐς Κομνηνοῦς τὸ γένος ἀνέφερον (Cinn., p. 232.4).

¹²⁹ Кап-Герр, например, совершенно ошибочно считал, что на Русь путешествовал сам император Мануил (Kap-Herr. Op. cit., S. 143). К. Я. Грот отмечает нелепость этого предположения, но своего мнения не высказывает. С. П. Шестаков пришел к выводу, что на Русь был послан сын Андроника, который, по словам Никиты Хониата (Nic. Chon., p. 169), помог отцу бежать из тюрьмы (С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 381). Г. Вернадский отверг это предположение потому, что сыну Андроника в это время не было еще 20 лет и он вряд ли мог бы произвести на русских князей впечатление столь важного вельможи, как об этом говорится у Киннама (τηλικούτω... πρεδβουτῆ — Cinn., p. 235.6; G. Vernadsky. Relations byzantino-russes au XIIe siècle. — Byz., vol. IV, 1927—1928, p. 271). В. Мошин соглашается с Г. Вернадским (В. Мошин. Русские на Афоне и византийско-русские отношения в XI—XII вв. — BS, XI, 1950, стр. 50, примеч. 21).

¹³⁰ Между тем Киннам прямо говорит об этой задаче посольства (Cinn., p. 232.7). Кроме того, по мнению В. Мошина, отпадает предположение, что сына Андроника

Следует остановиться на упомянутых Киннамом именах русских князей. Это, во-первых, имя Ростислава, который трижды назван правителем Руси¹³¹ и о котором Киннам говорит, что он клятвой подтвердил свое согласие оказать Византии помощь против Венгрии¹³². Это позволяет видеть в упомянутом Ростиславе великого князя киевского Ростислава Мстиславича, а также судить о том, что его отношения с Византией, которые были натянуты в начале его правления, впоследствии изменились к лучшему. Но Киннам упоминает и другого князя по имени Примислав, о личности которого развернулись споры. Сложность этого вопроса порождена беспорядочностью изложения Киннама. Вначале он упоминает о Примиславе, у которого посол заручился согласием выставить вспомогательное войско, затем — о Ростиславе Киевском, вслед за этим — о Ярославе Осмомысле, которого послу удалось отвратить от союза со Стефаном Венгерским, и сразу же после этого идет сообщение, что Примислав согласился отказаться от союза с Венгрией¹³³. Вполне убедительным представляется нам предложение, что Киннам или его копиист в последнем случае допустили простую опisku, назвав Ярослава Примиславом, и что Ярослава с Примиславом отождествлять никак нельзя. Однако С. П. Шестаков воспользовался этим обстоятельством, чтобы предложить свою конъектуру этого имени: Примислав = Първослав = Ярослав. На этом основании он в Примиславе, упомянутом в первом случае, (согласившемся выставить вспомогательное войско), также видит Ярослава и выдвигает версию о дружественных отношениях между Византией и Галицкой Русью около 1165 г.¹³⁴

Это мнение нам кажется малообоснованным, ибо в Примиславе, упомянутом в начале рассказа у Киннама, гораздо естественнее видеть Мстислава Изяславича Волынского, как это уже предполагалось в литературе¹³⁵.

У Киннама есть еще одно упоминание о русских князьях. Он сообщает о приходе в Византию около 1165 г. некоего „владельца Тавроскифии“ Владислава¹³⁶, которому была пожалована придунайская область, ранее бывшая в распоряжении другого русского князя-эмигранта, Василько, „сына Георгия“ (*βασιλῆα... τῷ Γεωργίου παιδί*)¹³⁷. Личность Владислава определить не удастся, но имя Василько известно из русской летописи, которая фиксирует факт бегства на Дунай сыновей Юрия Долгорукого¹³⁸.

нарочно выбрали в качестве посла, чтобы вернуть будущего императора в Византию: в действительности за Андроником в 1165 г. были посланы два митрополита, как об этом говорит „Ипатьевская летопись“.

¹³¹ Сin n., р. 232.5: ἀρχοντα... τῶν ταυροσχυθῶν. Сin n., р. 235.4, 236.8: ἡγεμονεῶν. То, что Киннам упоминает его имя в трех разных местах, объясняется, по мнению К. Я. Грота, недоразумением.

¹³² Сin n., р. 236.9.

¹³³ Ibid., р. 235.1—236.3.

¹³⁴ С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 379—381. В литературе принято мнение, что византино-галицкие отношения при Ярославе серьезно ухудшились.

¹³⁵ См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 330; G. Vernadsky. Op. cit., р. 271. В. Мошин обосновывает гипотезу о Мстиславе Волынском указанием на то, что это был один из самых крупных русских князей (после смерти Ростислава в 1169 г. он занял киевский престол), к тому же в какой-то мере связанный с Византией: он дважды охранял от половцев византийских купцов на Днепре (ук. соч., стр. 53).

¹³⁶ Сin n., р. 236.20.

¹³⁷ Ibid., р. 236.23.

¹³⁸ „... Том же лете идоша Гюргевичи Царюгороду, Мстислав и Василко с матерью... и дасть царь Василкови в Дунай города...“ („Ипатьевская летопись“, под 1162 г.).

Интересно отметить, что русские князья фигурируют у Киннама с самыми различными титулами: ἄρχων¹³⁹, δυναστής¹⁴⁰, ἡγεμονεύων¹⁴¹, φύλαρχος¹⁴². Этот перечень показывает, что византийское правительство отдавало себе отчет в различном удельном весе русских князей¹⁴³ и стремилось путем тонко разработанной терминологии подчеркнуть их неравноправное положение по отношению к империи¹⁴⁴.

Значительный интерес представляет и характеристика отношений Византии со странами Западной Европы. Наш историк начинает эту характеристику со времени Второго крестового похода. Он сообщает об участниках похода, причем называет немцев кельтами (Κελτοὶ), а французов — германцами (Γερμανοὶ)¹⁴⁵, и о том, что император направил к приближающимся крестоносцам послов невысокого ранга (во главе с „неким“ Макреволитом)¹⁴⁶. Очевидно, император чувствовал себя вполне уверенно после победы над турками в 1146 г. и не желал связывать себе руки в последующих событиях. Послы заручились согласием крестоносцев дать клятву в дружественных намерениях¹⁴⁷, и войско крестоносцев, которое Киннам определяет фантастической цифрой в „90 мириад“¹⁴⁸, вступило на территорию империи. Любопытно, что Конрада III Киннам и здесь и ниже упорно называет королем (ῥήξ)¹⁴⁹.

Вину за последующее обострение отношений между крестоносцами и греками Киннам целиком возлагает на первых¹⁵⁰. Отдельные столкновения между ними стали перерастать в настоящие сражения и „открытую войну“¹⁵¹, о чем Киннам сообщает с нарочитой обстоятельностью. О накаленности обстановки в 1147 г. можно судить и по приводимой Киннамом переписке Мануила с Конрадом, содержащей открытые угрозы по адресу последнего¹⁵².

Историю перехода немцев через Малую Азию и их поражения при Дорилее Киннам излагает достаточно точно и не скрывает при этом

¹³⁹ Cinn., p. 115. 18—19; p. 232.5; p. 235.11.

¹⁴⁰ Ibid., p. 236.20.

¹⁴¹ Ibid., p. 232.7; p. 236.8.

¹⁴² Ibid., p. 236.11.

¹⁴³ Любопытно, что Юрия Долгорукого — „Георгия“ — Киннам называет первым среди правителей („филархов“) на Руси (Ibid., V, 12—p. 236.23).

¹⁴⁴ G. Vernadsky. Op. cit., p. 273.

¹⁴⁵ Cinn., p. 67.4.

¹⁴⁶ Ibid., p. 67.13.

¹⁴⁷ ὄρκους τὸ πρᾶγμα βεβαιώσασιν ἐξέσθαι (Ibid., p. 68.9).

¹⁴⁸ Ibid., p. 69.20. Ф. И. Успенский читает „90 тысяч“, да и то находит эту цифру сильно преувеличенной (ук. соч., стр. 224).

¹⁴⁹ Cinn., p. 6.13. Формально Киннам оказывается прав: Конрад III, действительно, не носил императорского титула, но, конечно, историк стремится здесь не соблюсти истину, а признать западных государей по сравнению с императором Мануилом. Этой же цели служат помещенные несколькими строками ниже рассуждения об иерархии, где короли названы стоящими ниже императора (Cinn., p. 69.5).

¹⁵⁰ Cinn., p. 70.22.

¹⁵¹ Ibid., p. 72.18.

¹⁵² По поводу достоверности этой переписки мнения разделились. Одно время господствовала тенденция подвергать эти сообщения Киннама большому сомнению (W. Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit, Bd. IV, 1877, S. 408, 479 ff.; H. von Kar-Herr. Op. cit., S. 16.28). Так же скептически оценивает известия Киннама и Ф. И. Успенский, который ни словом не упоминает о кровавых стычках под стенами столицы (ук. соч., стр. 221). Однако в последнее время заметен возврат к мнению Куглера (Kugler. Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges (1878), S. 66 ff.) о достоверности сведений Киннама по этому поводу (см. F. Chalandon. Op. cit., vol. II, p. 279; G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 331).

своего злорадства¹⁵³. Отдельную главу историк посвящает описанию встречи Мануила с Людовиком VII, настроенным гораздо враждебнее по отношению к Византии, чем Конрад¹⁵⁴, но договорившимся с Константинополем более успешно, чем это удалось Конраду¹⁵⁵. Киннам сообщает о раздорах внутри крестоносного войска¹⁵⁶, приводит интересные сведения о начавшемся сближении Мануила и Конрада (первый визит Конрада из Палестины на отдых во Фракию и Константинополь¹⁵⁷ и второй — в Солунь¹⁵⁸. Именно в это время Конрад, по словам Киннама, договорился с Мануилом о передаче последнему Южной Италии¹⁵⁹). В новейшей литературе существует мнение, что этому сближению способствовала неудача Второго крестового похода¹⁶⁰.

Киннам обнаруживает большую осведомленность относительно развития византино-германских отношений в 50-е годы XII в. Он тонко улавливает двойственность в поведении Фридриха I, которая наступила после заключения брачного союза между ним и племянницей Мануила Марией¹⁶¹. Тем не менее, несмотря на риск потерять поддержку немцев, правительство Мануила решает силой добиться реализации своих планов в Южной Италии.

Открытому военному столкновению на суше между Византией и Сицилийским королевством предшествовал длительный период борьбы в Эгейском и Адриатическом морях. Начало этой борьбы положено известным набегом норманского флота в 1147 г. на Коринф, Эвбею и Фивы, которые были начисто разграблены¹⁶², и на Коркиру, которая была захвачена сицилийцами¹⁶³. Византия была не в состоянии сразу же нанести ответный удар: для этого следовало предварительно получить содействие Венеции ценой дополнительных торговых привилегий¹⁶⁴. Только после этого удалось приступить к осаде Коркиры. Осада долго тянулась безуспешно: крепость была отлично укреплена¹⁶⁵, а среди

¹⁵³ Cinn., p. 81.23.

¹⁵⁴ Это мнение основывается на близости Людовика к врагу империи — Рожеру Сицилийскому — и прочно укрепились в литературе (К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 127—128; Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 222; G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 339) и имеет под собой достаточные основания: по словам Одона Дейльского, среди французских рыцарей серьезно обсуждался вопрос о взятии Константинополя штурмом (Odo de Diogilio, p. 35; см. у В. Г. Васильевского. Ук. соч., стр. 24).

¹⁵⁵ Нельзя в этом не усмотреть уроков столкновений между немцами и греками под стенами гогода (Cinn., II, 17).

¹⁵⁶ Cinn., p. 85.16. Киннам пытается объяснить эту вражду насмешками конного французского войска над германскими пехотинцами. Факт может служить основанием для выводов о значительном удельном весе крестьянства в немецком крестоносном войске.

¹⁵⁷ Cinn., p. 86.13—14. По мнению исследователей, Конрад пробыл в Константинополе до весны 1148 г. (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 27).

¹⁵⁸ Cinn., p. 87.4—6. Этот визит длился с сентября 1148 г. до весны 1149 г. (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 32).

¹⁵⁹ Cinn., p. 87.6—11. У Киннама речь идет обо всей Италии, но, по мнению В. Г. Васильевского (ук. соч., стр. 33, примеч. 2), выражение „Италия“ у византийских историков часто означает лишь Апулию и Калабрию.

¹⁶⁰ G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 340.

¹⁶¹ Cinn., p. 135.12. Фридрих в данный момент гораздо больше нуждался в союзе с папой — другом норманнов, чем с Мануилом — их врагом, так как ему предстоял поход в Рим для коронации (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 108).

¹⁶² Особенно подробно сообщает об этом Никита Хониат (Nic. Chon., p. 101—102).

¹⁶³ Cinn., p. 92.11—17.

¹⁶⁴ См. грамоты от октября 1147 и марта 1148 гг. (Tafe I. Fontes rerum Austriae, vol. XII, p. 50—51). У Киннама нет упоминания об этих торговых уступках.

¹⁶⁵ Cinn., p. 99.11.

греков и венецианцев непрерывно вспыхивали раздоры¹⁶⁶. Только после поражения сицилийского флота¹⁶⁷ крепость сдалась прибывшему на остров императору¹⁶⁸.

Отношения империи с сицилийским королевством не улучшились и после вступления на престол Вильгельма, хотя последний и предлагал Мануилу возмещение убытков, причиненных набегом 1147 г.¹⁶⁹ Мануил ответил на это посылкой к берегам Пелопоннеса флота¹⁷⁰, потерпевшего страшное поражение. В таких условиях и началась византийская военная экспедиция в Южную Италию в 1155 г. В Апулию было направлено отборное войско под командованием севастов Михаила Палеолога и Иоанна Дуки, которых сопровождал крупный феодал с юга Италии Александр Гравина¹⁷¹. С помощью золота была создана коалиция всех недовольных политикой Вильгельма, к которой одним из первых примкнул двоюродный брат короля Роберт Басавила, граф Лорителло¹⁷². Вначале действия греков были весьма успешны, под их власть перешли города Вести (Βεστίαν) и Фано¹⁷³. Бывший центр византийского господства, Бари, был взят с помощью подкупа, и жители города, невзирая на уговоры греческих полководцев, сами до основания разрушили городскую цитадель, ставшую к этому времени оплотом норманского владычества¹⁷⁴. Эта подробность проливает дополнительный свет на причины византийских успехов в Апулии. Вслед за Бари сдались Трани (Τράνιν), Джовенаццо (Γιβενατζιόν)¹⁷⁵, Антр ('Αντρον), Барлетто (Βαρλέτ), Монтепелозо (Μοντοπολοῦς), Гравина (Γραβίναν) и 50 мелких местечек¹⁷⁶.

Все эти успехи породили в греческом лагере неоправданную самоуверенность, и своей высокомерной политикой византийцы вскоре оттолкнули от себя своих временных союзников. Киннам не признается в этом, но из его сообщений мы смело можем сделать этот вывод. Так, он рассказывает, что византийцы несколько раз отказывали в помощи графу Лорителло, когда тот находился в самом стесненном положении, и тем самым толкнули его на измену грекам¹⁷⁷. Византийские полководцы отказались вступить в переговоры и с папой Адрианом IV, хотя последний был весьма заинтересован в союзе с Византией¹⁷⁸. Несомненно, это сыграло роль в политической изоляции греков в Южной Италии.

Однако для Киннама не существует политического аспекта византийских мероприятий, весь первый план занят у него военными собы-

¹⁶⁶ Сведения об этих раздорах мы находим у Никиты (Nic. Chon., p. 114), Киннам упоминает о них в двух словах (Cinn., p. 98.9—11).

¹⁶⁷ Киннам упоминает об этом два раза: первый раз, сообщая, что в сражении подвергся опасности возвращавшийся из Палестины Людовик VII (Cinn., p. 87.17), и во второй раз — рассказывая, как потерпевший поражение сицилийский флот был вторично разбит греческими судами с Крита (Ibid., p. 101.5—11).

¹⁶⁸ Cinn., 101.15. В. Г. Васильевский относит прибытие Мануила на остров к весне 1149 г. (ук. соч., стр. 41, примеч. 1; ср. Cinn., p. 98.12).

¹⁶⁹ Cinn., p. 118.22.—119.9.

¹⁷⁰ Ibid., III, 13.

¹⁷¹ Ibid., p. 135.17.

¹⁷² Киннам неверно считает его двоюродным братом не Вильгельма, а Рожера, т. е. дядей Вильгельма (Ibid., p. 136.4).

¹⁷³ Так Ф. И. Успенский предлагает понимать упоминаемый Киннамом город, „одноименный со святым Флавианом“ (Cinn., p. 137.17; Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 234).

¹⁷⁴ Cinn., p. 140.19—23.

¹⁷⁵ Ibid., p. 141.8.

¹⁷⁶ Ibid., p. 150.21.

¹⁷⁷ Ibid., p. 147.22.

¹⁷⁸ Ibid., p. 146.24. Как замечает В. Г. Васильевский, папа потерпел несколько поражений от сицилийского короля и не получил никакой помощи от Фридриха I (ук. соч., стр. 124—125).

тиями. Он рассказывает о неудачной попытке взять Тарент¹⁷⁹, о взятии Монополи¹⁸⁰, длительной и безуспешной осаде Бриндизи¹⁸¹ и, наконец, о страшном поражении под стенами этого города¹⁸². И повсюду стратегическими и тактическими ошибками объясняет Киннам неудачу апулийской кампании¹⁸³.

Поражение под Бриндизи, действительно, означало крах византийской завоевательной политики в Италии¹⁸⁴. Однако в 1156—1158 гг. византийские войска продолжают оставаться в Италии, но теперь их новым врагом является папа Адриан IV, вступивший в союз с Вильгельмом¹⁸⁵, а их союзником — враждующее с папой население города Рима¹⁸⁶. Можно согласиться с В. Г. Васильевским в том, что основной целью военных действий 1156—1158 гг. было стремление византийцев отвлечь Вильгельма от прямого нападения на территорию империи¹⁸⁷, но нельзя также игнорировать указания Киннама о том, что эта война имела целью создать плацдарм для борьбы против Венеции¹⁸⁸. Недаром база операций была вскоре перенесена в Анкону. Перенос военных действий на север Италии резко обострил отношения Византии с Германской империей¹⁸⁹, что ускорило заключение мира с норманнами. Еще более форсировало переговоры нападение сицилийского флота на Негропонт¹⁹⁰. Вскоре после этого Мануил, по словам Киннама, почтил Вильгельма титулом короля¹⁹¹, в чем и следует видеть указание на заключение мира между обоими государствами, — мира, который означал сближение с папской курией и разрыв союза Византийской и Германской империй¹⁹².

Остановимся на первом из этих двух аспектов западной политики Византии, на ее отношении к римской церкви. Именно здесь можно проследить определенную тенденцию нашего историка. После краха итальянской кампании 1155—1158 гг. для византийской политики наступило время сближения и союза с папством. До 1167 г. необходимость этого союза диктовалась в первую очередь соображениями борьбы с Фридрихом Барбароссой. Побуждаемый этими мотивами, Мануил в 1164 г. способствовал восстановлению на престоле изгнанного Фридрихом папы Александра III¹⁹³. С 1167 г. Мануил вступает с папством

¹⁷⁹ Cinn., p. 154.1

¹⁸⁰ Ibid., p. 157.16.

¹⁸¹ Ibid., p. 158—166.

¹⁸² Ibid., p. 166—169. Битва произошла 28 мая 1156 г. (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 123).

¹⁸³ Cinn., p. 168—169.

¹⁸⁴ Ф. И. Успенский даже предполагает, что эта неудача означала крушение всей западной политики Мануила (ук. соч., стр. 238).

¹⁸⁵ См. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 125.

¹⁸⁶ Не столько обострились отношения римского населения со своим сеньором-папой свидетельствует Киннам, рассказывая, что папа даже предал город отлучению и только открытое восстание в городе заставило его снять интердикт (Cinn., p. 171.6—18).

¹⁸⁷ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 128.

¹⁸⁸ Cinn., p. 170.14. Это отметил уже J. Haller. Das Papsttum und Byzanz, Bd. II, Teil 2 (1939).

¹⁸⁹ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 129.

¹⁹⁰ Наиболее подробные сведения об этом событии мы узнаем из западных источников (см. Annales Pisani (ed. Pertz), p. 243), но В. Г. Васильевский неправ, утверждая, что Киннам совершенно умалчивает о сицилийском нападении на Негропонт. В приводимых Киннамом письмах сицилийского двора в Константинополь, о которых сам же В. Г. Васильевский замечает, что они подделаны в византийской канцелярии (ук. соч., стр. 137, примеч. 1), министры Вильгельма извиняются за нападение на Эвбею, т. е. Негропонт (Cinn., p. 175.6).

¹⁹¹ Cinn., p. 175.20.

¹⁹² Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 237—238.

¹⁹³ Cinn., p. 289.15.

в более тесные отношения, преследуя уже новую цель — объединение церковей¹⁹⁴. У Киннама мы не находим никаких сведений по этому поводу, но зато можно определить его собственную точку зрения по вопросам, связанным с этой проблемой, и в первую очередь по вопросу о соотношении царской и папской власти. Соответствующие суждения — то прямо, то косвенно — сформулированы Киннамом в 7—9-й главах V книги, особенно в 7-й главе, где Киннам прибегает к редкому для него приему — обращению к историческому деятелю от собственного имени. Он старается доказать превосходство власти византийского императора над властью папы и императора западного. Прежде всего он ополчается против дерзости западных императоров, незаконно, по его мнению, присвоивших себе это достоинство¹⁹⁵. Но он идет дальше и гневно осуждает всех, кто осмеливается не считать царство византийское прямым и законным продолжением римского. Во второй, более откровенной, части своего рассуждения Киннам прямо упоминает папу среди тех, кто не согласен считать Византию преемницей Рима. Киннам прилагает все силы своего убеждения, чтобы отклонить папу от этой позиции. При этом он не ограничивается одними риторическими упреками („ты не имеешь права распоряжаться царствами“¹⁹⁶), но и напоминает папе о противоречиях в его политике („Почему тех самых, которых ты незадолго перед этим... не считал царями — и правильно делал... — почему ты их теперь принимаешь за царей?“¹⁹⁷). И, как бы предупреждая возможный ответ, Киннам заявляет: „Ты не можешь сказать, что тебя заставили силой, ибо *это* (курсив наш. — М. Ф.) ты сам раньше вносил в договоры с царем Мануилом“¹⁹⁸. Что имеет в виду историк под словом „это“ можно только догадываться, но весьма вероятно, что он хотел здесь напомнить об обязанности пап совместно с Византией бороться с германскими императорами. Во всяком случае несомненно одно: речь, которую произносит Киннам по адресу пап, носит не риторический, а вполне конкретный характер. Она не только отражала реальную заинтересованность византийского правительства в привлечении курии на свою сторону, но и предоставляла аргументы для соответствующих действий в этом направлении¹⁹⁹. Это обстоятельство еще раз подчеркивает ценность свидетельств Киннама о западной политике византийского правительства в XII в.

Исторический труд Киннама, в значительной мере посвященный описанию походов, осад и сражений²⁰⁰, предоставляет богатые возможности и для характеристики византийской армии и военной доктрины XII в..

Мы знакомимся с системой комплектования армии, узнаем, что при императоре сохранялась „дружина варваров-бердышников“²⁰¹, а остальное войско состояло из союзных контингентов, тяжеловооруженной конницы и наемных отрядов. Союзные войска обычно набирались из

¹⁹⁴ См. Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 247.

¹⁹⁵ Μακρὸς γὰρ ἐστὶν οὐ χρόνος τὸ τῆς βασιλείας ὄνομα ἐν ῥώμῃ ἀπόλετο (Cinn., р. 218.15).

¹⁹⁶ οὐχὶ δὲ καὶ βασιλείας ἤδη καταχαρίζεσθαι (Ibid., р. 220.7).

¹⁹⁷ Ibid., р. 220.14.

¹⁹⁸ Χθὲς γὰρ καὶ οὐ πολλῶ πρότερον βασιλεῖ Μανουῆλ ταῦτα διωμολόγεις (Ibid., р. 220.17)

¹⁹⁹ Смущать здесь может только одно обстоятельство. Речь Киннама носит явные следы злободневного интереса, между тем как его труд написан примерно через два десятилетия, и следовательно, может возникнуть предположение, что пафос, с которым говорит Киннам, носит несколько наигранный характер.

²⁰⁰ На этом основании Д. Моравчик предполагает, что Киннам получил специальное военное образование (см. G. Moravcsik. Op. cit., S. 324).

²⁰¹ πελεκηφόρων βαρβάρων ὄμιλον (Cinn., р. 187.9; р. 8.15).

вассальных княжеств²⁰². Упоминания о наемниках особенно часты у Киннама²⁰³, и можно сделать вывод, что в некоторых кампаниях только ядро войска состояло из византийцев. Так, в начале экспедиции 1155 г. в распоряжении Иоанна Дуки находилось только 600 всадников, остальной личный состав был набран за деньги уже в ходе войны. Недаром, по сведениям Никиты Хониата, апулийская экспедиция обошлась казне в 300 кентинариев золота²⁰⁴. Воины привлекаются на постоянную службу; если раньше на период мира их отпускали по домам, то теперь войско рассылается по областям²⁰⁵. Очень характерным является полное умолчание Киннама об ополченцах из крестьян, или о стратиотах.

В непосредственной связи с отмеченными изменениями в системе комплектования армии находится и снижение боеспособности войска. Киннам отмечает, что в сражении под Иконием значительная часть воинов, вопреки приказаниям императора, отказалась ежедневно ходить в бой и перешла в армейский обоз. И хотя царь прибег к телесным наказаниям, других это не удержало от подобных поступков²⁰⁶.

Интерес представляет и система снабжения войска. В некоторых случаях, когда готовилась особенно значительная кампания, для обеспечения армии продовольствие доставлялось из наиболее плодородных областей страны²⁰⁷. Нередко заготовка продовольствия и фуража осуществлялась в перерывы между боевыми действиями специально выделенными фуражирами²⁰⁸. Но самой распространенной формой снабжения войска по-прежнему, как и в римские времена, оставался узаконенный грабеж населения. Разорение местных жителей было не только проявлением жестокости, присущей наемному войску²⁰⁹, или использованием права на грабеж захваченных городов²¹⁰, — в некоторых случаях опустошение завоеванных территорий прямо вменялось в обязанность войску. Так, византийская армия под Антиохией безжалостно обирала местных жителей, а флот получил приказание опустошить приморские районы и сжечь множество судов, стоявших у берега²¹¹. Опустошение вражеской территории и увод пленных становятся одной из ведущих идей византийской военной политики. При этом особенно важны сообщения Киннама о том, куда направлялись эти массы пленных. Так, все захваченные при вторжении в Сербию люди разных возрастов, „целые племена“, были переселены на византийскую территорию²¹². После взятия Землина халисии, переселенные из Срема, были поселены в крепости, специально выстроенной для этой цели²¹³. Захватив пленных после похода на

²⁰² О таких вспомогательных войсках говорится, например, в мирном договоре великого жупана Уроша с Мануилом (см. Сипп., р. 113.6).

²⁰³ Эта наемная норманская дружина покидает византийцев в трудную минуту (Сипп., р. 167.21); см. также о конных наемниках с Родоса — *μισθοφορικῆν ἰππέων... ἰσχυόν* (Сипп., р. 199.19).

²⁰⁴ См. Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 127.

²⁰⁵ Сипп., р. 131. 10.

²⁰⁶ *Ibid.*, р. 55.9. Телесные наказания вообще широко практиковались в византийской армии (см. также, *Ibid.*, р. 298.5).

²⁰⁷ Особенно часто для этой цели использовалась Фракия (*Ibid.*, р. 199.21).

²⁰⁸ *χορταγωγοί* (*Ibid.*, р. 47.21; 34.14; 106.17). Во время апулийской кампании сицилийцы и ромеи нарочно устроили свои лагеря на таком расстоянии, чтобы не сталкивались фуражиры с той и другой стороны (*Ibid.*, р. 167.15).

²⁰⁹ Во время военных действий в Среме греки грабили все, что им попадалось на пути (*Ibid.*, р. 114.7).

²¹⁰ При взятии Землина в 1165 г. воины уносили утварь, одежду и оружие пленных (*Ibid.*, р. 245.22. — 246.11).

²¹¹ *Ibid.*, р. 35.9.

²¹² *Ibid.*, р. 114.17.

²¹³ *Ibid.*, р. 247.16.

Рашку, Мануил послал их на поселение под Софию и в другие места империи²¹⁴. После победы над половцами множество пленных были поселены на территории империи и даже „вписаны в военное сословие“²¹⁵. Все эти факты свидетельствуют о том, что захватом пленных византийское правительство пыталось возместить убыль в стратиотах и налогоплательщиках²¹⁶.

От Киннама не ускользнули и вопросы военной техники. Он рассказывает, что при осаде Бриндизи греки употребляли камнеметные машины для разрушения городских стен и внутренних строений²¹⁷, при взятии Браничева — осадные башни²¹⁸, в других случаях применялись тараны и система подкопов²¹⁹. Упоминает Киннам и о ночных походах при свете фонарей, устройство которых историк подробно описывает²²⁰. Есть у Киннама сведения и о применении „греческого огня“²²¹.

В этой связи нельзя пройти мимо интересного места у Киннама, где он говорит, что главной заботой Мануила после вступления на престол стало улучшение вооружения. Прежде воины защищались круглыми щитами, носили колчаны и решали сражения стрелами²²². Мануил вводит длинные — до земли — щиты, длинные же копья и специальное обучение верховой езде, устраивая для этого тренировочные сражения²²³. В результате этих преобразований греческий воин скоро превзошел и немецкого и итальянского, — добавляет Киннам. Нам кажется, что в этой перестройке следует усмотреть не простое подражание западноевропейским образцам, в чем так часто упрекают Мануила. Здесь перед нами попытка найти какие-то новые образцы вооружения, отвечавшего потребностям тяжеловооруженного войска рыцарского типа. В данном случае речь скорее всего идет о том войске проиаров, которое, по свидетельству Никиты Хониата, заняло в царствование Мануила ведущее место в системе византийской военной организации²²⁴.

Некоторые наблюдения можно, кажется, сделать и на основе тех сведений, которые сообщает Киннам об организации передвижения войск и, в частности, о характере бивуаков. По-прежнему, как и в древности, войско, располагаясь на стоянку, строило укрепленный лагерь²²⁵, т. е. возводило ограду, копало рвы и пр.²²⁶ Выбор места для лагеря считался делом весьма ответственным. Так, Мануил в числе преимуществ, которые может доставить победа над турками, отмечает также и возможность выгодно поставить лагерь²²⁷. Киннам вкладывает в уста

²¹⁴ Cinn., p. 103.10.

²¹⁵ στρατιωτικοῖς ἐγγραφεῖντες καταλόγοις (*Ibid.*, p. 8.22).

²¹⁶ Г. Острогорский высказывает мысль, что 10 тыс. пленных, которых Мануил оставил за собой по договору с Гейзой II в 1154 г., предназначались именно для этой цели (G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 348).

²¹⁷ Это и сломило сопротивление жителей города (Cinn., p. 160.22.—161.11); см. также μηχανήματα (*Ibid.*, p. 242.6).

²¹⁸ ξύλινον... πύργον (*Ibid.*, p. 241.19).

²¹⁹ γελώνην (*Ibid.*, p. 164.5—19).

²²⁰ *Ibid.*, p. 195.13—196.2.

²²¹ πῦρ ὑγρόν (*Ibid.*, p. 207.12).

²²² Киннам часто упоминает о „стрелках“ — τοξόται (*Ibid.*, p. 53.5; p. 77.20), о раненых стрелами венграх при взятии Замлина (*Ibid.*, p. 246.3).

²²³ ὄθεν καὶ ἄσπισι κυκλωτέρεσι φράγγεσθαι εἰδισμένον αὐτοῖς πρότερον φαρетроφορεῖν τε τὰ πλείστα καὶ τόξοις τὰς μάχας διαφέρειν, ὃ δὲ ταύτας μὲν ποδῆρεις προβεβλήσθαι αὐτοὺς εἰδάξατο, δόρατα δὲ κραδαίνειν μακρὰ καὶ ἰπποσύνη δεξιώτατα χρῆσθαι ἡσχίσατο (*Ibid.*, p. 125.4—8).

²²⁴ Nic. Chon., VII, 4.

²²⁵ Этот укрепленный лагерь Киннам, как правило, называет χάραξ (Cinn., p. 34.11; p. 56.1; p. 271.4), в отличие от неукрепленной стоянки — στρατόπεδον (*Ibid.*, p. 54.5; p. 106.16).

²²⁶ *Ibid.*, p. 47.6.

²²⁷ *Ibid.*, p. 56.1.

императора целую речь о значении лагеря в жизни войска: „... лагерь — тот же город, в нем нужны и ворота и стены и рвы...“²²⁸. Напрашивается предположение, что это настойчивое внимание к теории и практике возведения лагерей может считаться живым остатком римских военных традиций.

Историкам военного искусства следует обратить внимание и на данные Киннама о порядке построения войска к бою.

Интересно, например, что, встречая немцев под стенами Константинополя, Мануил вперед выдвигает легких византийских и турецких стрелков, затем — легкую конницу, за ней — конницу тяжеловооруженную вместе с латниками и сзади всех, „около четвертого знамени“, — нестроевые части²²⁹. А сражаясь с венграми, Мануил располагает войско еще более усложненным порядком. Впереди всех строится турецкая и половецкая конница, а на флангах — греческие отряды. Во второй линии располагаются латники, перемешанные со стрелками из лука, и тяжеловооруженные турецкие полки, причем и эта линия подпирается с флангов византийцами. В третьем эшелоне находятся отборные греческие, немецкие и турецкие части. И, наконец, позади всех — штаб („знаменитые мужи“), окруженный наемниками²³⁰. И в этом и в предыдущем случае мы можем заметить одну и ту же тенденцию к наращиванию ударной силы войска по мере удаления строя в глубину. Любопытно, что этот принцип прямо противоположен тому, который доминировал в боевых порядках западноевропейского рыцарства и при котором обычно ударная сила — рыцарские отряды — располагалась непосредственно во главе боевой колонны²³¹.

Остановимся, наконец, еще на одной особенности исторического повествования Киннама. Уже давно отмечена идеализация историком императора Мануила, которая рассматривалась большинством исследователей как обычное проявление придворной угодливости. Киннам, действительно, щедр на похвалы своему государю и кумиру. В отдельных случаях подвиги, которые он приписывает императору, оказываются несомненным вымыслом и служат лишь поводом для риторических упражнений. Но и тогда, когда он говорит о событиях, действительно имевших место, обращает на себя внимание одно обстоятельство: историк намеренно подчеркивает личную отвагу императора, его рыцарскую готовность прийти на помощь соратникам. Эти черты искусно komponуются таким образом, чтобы создать образ идеального воина. Тем самым характеристике, которую Киннам дает своему государю, можно найти аналогии в рыцарской литературе Запада. Создается впечатление, что Киннам писал свой труд не только для того, чтобы увековечить события, но и чтобы воздействовать на определенные круги византийского общества. Образом Мануила Киннам как бы апеллирует к военным слоям, признавая тем самым, что правительство нуждается в их поддержке и именно в сознательной поддержке. По нашему мнению, это может иметь только одно объяснение: византийская армия в процессе исторического развития окончательно утратила свою связь с народными массами и приобрела рыцарский, дворянский характер. Именно

²²⁸ Сипп., р. 58.9.

²²⁹ Ibid., р. 77.15—20.

²³⁰ Ibid., р. 271.5—20.

²³¹ Ф. Энгельс. Пехота. Избранные военные произведения. Воениздат, М., 1956, стр. 189; А. А. Строков. История военного искусства, т. I. Воениздат, М., 1955, стр. 203.

это и должно было обеспечить с ее стороны понимание важнейших идейных замыслов историка Иоанна Киннама.

Мы не исчерпали всего содержания „Краткого обозрения“ Киннама, но даже и произведенный нами разбор свидетельств Киннама подтверждает высокую оценку, которую получил этот исторический труд в новейшей историографии. Если собранный Киннамом материал и не всегда последовательно расположен, то во всяком случае достоверен. Хронология его труда подтверждается большинством других источников, а географические наименования обычно легко удается локализовать. Неполнота отдельных сообщений Киннама (например, о византино-венецианских отношениях) компенсируется обширностью данных относительно политики Византии на Дунае, в славянских землях и в Южной Италии. Повествование Киннама в основном свободно от налета клерикализма, изложение церковных и богословских проблем не занимает у него существенного места. Труд Киннама позволяет нам познакомиться с некоторыми важнейшими политическими вопросами его эпохи, такими, как вопрос о сближении с папством или о привлечении служилого дворянства (рыцарей-прониаров) к активному участию в завоевательных операциях. Наконец, Киннам сообщает немало интересных данных о военной организации империи. Его сведения позволяют сделать выводы как о сохранении в Византии военных традиций, восходящих к эпохе древнего мира, так и о создании здесь новых тактических принципов на базе восточного и западного военного опыта. Его свидетельства дают также возможность уловить те изменения, которые внес в византийскую военную организацию основной процесс развития общественной жизни страны — процесс формирования феодальных отношений. То, что так часто принимали за проявление личной лести и подобострастия Иоанна Киннама, — идеализация личности императора Мануила — оказывается порождением социальных потребностей его эпохи.
